

Славяноведение, 2023, № 2, с. 125–135

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 2, pp. 125–135

DOI: 10.31857/S0869544X0025361-0

Оригинальная статья / Original Article

Погребальная обрядность влахов долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию

© 2023 г. Н.Г. Голант¹, И.М. Струтинский²

¹Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

natalita1977@yandex.ru

²Российский институт истории искусств
(Санкт-Петербург, Российская Федерация),
Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

sevdbrif@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>

Аннотация. В данной статье отражены предварительные результаты экспедиции в населенные пункты Заечарского и Борского округов Сербии весной и летом 2022 г. Всего за период с апреля по июнь 2022 г. авторы посетили двенадцать влашских (румынских) сел и одно сербское. Сбор полевых материалов проводился преимущественно методом интервью. Кроме того, длительное пребывание «в поле» позволило им использовать метод непосредственного наблюдения, принимая участие в похоронах, поминках и др. Наиболее ценные сведения удалось записать во время поминального танца *ora* (рум. диал. *ora de rotană*) в селах Александровац (Злокуче, рум. *Zlocutea*) общины Неготин Борского округа и Мали Ясеновац (рум. *Mala*) общины Заечар Заечарского округа.

Ключевые слова: полевые исследования, царане, унгурияне, обычаи, поминовение усопших.

Ссылка для цитирования: Голант Н.Г., Струтинский И.М. // Погребальная обрядность влахов долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию // Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135. DOI: 10.31857/S0869544X0025361-0

Funeral Rituals of the Vlachs in the Timok Valley. Review of the Field Research in Eastern Serbia

© 2023. Natalia G. Golant¹, Ivan M. Strutytsky²

¹Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAN
 (St. Petersburg, Russian Federation)

natalita1977@yandex.ru

²Russian Institute of Art History
 (St. Petersburg, Russian Federation),
 Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
 (Moscow, Russian Federation)

sevdbrif@gmail.com

Abstract. The article reflects the preliminary results of the expedition of the authors to the settlements of the Zaječar and Bor districts of Serbia in the spring and summer of 2022. In total, from April to June 2022, authors visited twelve Vlach (Romanian) villages and one Serbian village. The collection of field materials was carried out mainly by the interview method. In addition, long stay in the field allowed to use the method of direct observation, being present and taking part in funerals, commemorations, etc. The most valuable information was recorded while being present at the memorial dance *ora* (Rom. dial. *ora de pomană*) in village of Aleksandrovac (Rom. Zlocutea) of Negotin municipality of Bor district and Mali Jasenovac (Rom. Mala) of Zaječar municipality of Zaječar district.

Keywords: field research, *țărani*, *ungureni*, customs, commemoration of the dead.

Reference for citation: Golant Natalia G., Strutytsky Ivan M. Funeral Rituals of the Vlachs in the Timok Valley. Review of the Field Research in Eastern Serbia // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 2. P. 125–135. DOI: 10.31857/S0869544X0025361-0

Влахи (румыны) компактно проживают в Заечарском, Борском, Браничевском и Поморавском округах Восточной Сербии. Согласно опубликованным результатам переписи 2011 г., число жителей Восточной Сербии, декларировавших себя влахами, насчитывает около 31 500 чел., а число назвавших себя румынами – немногим более 3 000 чел. [9]. В отличие от румын Воеводины, где румынский признан языком национального меньшинства, влахи-румыны долины Тимока используют родной язык преимущественно в бытовом общении. Лишь в некоторых школах населенных пунктов, в которых проживают влахи, существуют факультативы по румынскому и так называемому влашскому языкам (подробнее о попытках кодификации и преподавания «влашского» языка см. [2]). В настоящее время в регионе продолжается полемика между этническими активистами, признающими владов Тимока частью румынского этноса, и считающими владов отдельным этносом. Среди владов восточной Сербии бытует несколько вариантов румынской речи. Согласно терминологии, предложенной Моникой Хуцану и Аннемари Сореску-Маринкович, это *унгуриянский*, *царанский*, *мунтенский* (*унгуриянско-мунтенский*), представляющий собой смешение царанского и унгуриянского, и *буфанский* говоры [13]. Биляна Сикимич именует *царанский* говор *мунтенским* и выделяет всего три румынских говора на территории восточной Сербии: *мунтенский* (*царанский*), *банатский*

(унгуриянский) и буфанский (см. [15]). В этнографическом плане носители унгуриянско-мунтенского говора не отличаются от носителей унгуриянского говора, поэтому мы далее будем называть их валахами-унгуриянами. Наименование «унгурияне» (рум. *ungureni*) происходит от названия страны, потомками переселенцев из которой они являются — Австро-Венгрии (*Țara Ungurească* — букв. ‘Венгерская страна’); наименование «царане» (рум. *țărani*) — от слова *Țara* (в данном случае — первая часть названия страны их происхождения — *Țara Românească* — букв. ‘Румынская страна’, т.е. Валахия) (см. [8]).

Цель экспедиции, проводившейся весной и летом 2022 г., заключалась в сборе этнолингвистического материала по погребальной и поминальной обрядности влахов Восточной Сербии. Для этого в июне 2022 г. нами был обследован ряд сел в Заечарском и Борском округах, в частности: Шипиково (рум. *Șpicova*), Мали Ясеновац (рум. *Mala*), Халово (рум. *Alova*), Градсково (рум. *Grăscov*), Шливар, Николичево и Лубница общины Заечар Заечарского округа; Валаконе (рум. *Valacoane*) и Оснич (рум. *Osnicea*) общины Болевац Заечарского округа, Александровац / Злокуче (рум. *Zlocutea*) и Милошево (рум. *Colograș*) общины Неготин Борского округа, Шарбановац (рум. *Șarbanuț*) общины Бор Борского округа. В селах Шипиково, Мали Ясеновац, Халово, Градсково, Александровац и Милошево проживают валахи-царане, а в селах Шливар, Николичево, Лубница, Валаконе, Оснич, Шарбановац — валахи-унгурияне. Сбор материала осуществлялся по этнолингвистической программе, составленной А.А. Плотниковой [6].

Из всех обрядов жизненного цикла погребальная и поминальная обрядность у влахов наиболее развита. Она в значительной мере сохраняется и в наше время. Повсеместно бытуют представления о «правильном» переходе в мир иной с зажженной свечой в руках, в одежде и обуви, заказывается традиционная погребальная музыка, исполняемая народными музыкантами-профессионалами — лаутарами, соблюдается семилетний поминальный цикл, состоящий из ряда ритуальных трапез — *поман*.

Погребальная обрядность и связанная с ней лексика существенно различается от села к селу. Однако повсеместно считается, что желательно умереть со свечой в руке (этой свечой покойник будет освещать себе дорогу «на тот свет»), в одежде и обуви, которая пригодится ему в загробном мире. Когда человек умирает, родственники часами поддерживают свечу в его руках. Хоронят умершего спустя сутки после смерти. Люди, пришедшие в дом умершего, вместо приветствия произносят фразу: *Dumnezeu să-l (s-o) ierte* («Пусть бог его (ее) простит»). Все приносят с собой цветы и свечи, многие — также что-то из продуктов или деньги. Женщины, у которых недавно умер кто-то из близких, берут с собой дополнительную свечу, чтобы умерший «передал» ее их близкому человеку «на том свете». В день похорон приглашают музыкантов, которые играют в доме, по дороге из дома в церковь, из церкви на кладбище (в селах Халово, Шипиково и Мали Ясеновац на похоронах чаще всего играют на баяне (*armonică*) и кларнете (*clarinet*), может присутствовать также скрипка (*lăută*) и флейта (*fluiet*). Женщины причитают по покойнику. В случае особо сильного горя причитать мог и мужчина, но это скорее исключение, чем правило. Причитания — импровизационный жанр. Их исполняют как сольно, так и в сопровождении лаутаров. В причитании женщина могла не только выразить сожаление об уходе покойника в мир иной, но и пожаловаться на свою жизнь.

В селе Шипиково Заечарского округа, где проживают валахи-царане, нам удалось записать причитание по матери:

A, muma, muma, muma mea!
A, scoala, muma, nu şede!'
A, muma, că de când tu me-ai plecat, â
A, muma, singurica me-ai lăsat...¹
(А, мама, мама, мама моя!
А, вставай, мама, не лежи!
А, мама, с тех пор, как ты ушла,
А, мама, одишеньку меня оставила...)

В Шипикове процесс причитания обозначается глаголом *a se cânta* (*ele se cântă* «они причитают», букв. «они поются»), в Халове — *a se jăli* (*ele se jălesc* «они причитают», букв. «они жалуются»). В посещенных нами царанских селах причитают сольно либо одновременно вразнобой, как в инструментальном сопровождении, так и без него. В унгуриянских селах погребальная обрядность, наряду с причитаниями, включает и песни перехода — *петрекатуры* (рум. *petrecătură* — sg., *petrecături* — pl.), исполняющиеся коллективно несколькими женщинами, специально приглашаемыми для этого. Это песни с устойчивой мелодией и текстом, в котором говорится о пути, который должна пройти душа, чтобы попасть в рай (подробнее об этом жанре см. [10]). Родственники покойного могли заказать лаутарам его песню-биографию. Чаще всего так делали, когда умирал молодой человек. Песню-биографию во время похорон скрипач (*lăutar*) пел сольно, аккомпанируя себе на скрипке². Флейтисты (рум. *fluieraşi* — pl.), баянисты, кларнетисты, сопровождавшие похоронную процессию в исполнении песни-биографии, по сообщению большинства респондентов, не участвовали, однако кто-то из них мог помочь скрипачу в составлении текста песни-биографии еще перед похоронами (Халово). В селе Халово лаутары приходят и на поминальные трапезы (на *prânz* на следующий день после погребения, на сороковины и др.), тогда как в Шипикове музыканты играют только в день похорон. Вероятно, эта особенность погребально-поминальной обрядности села Халово связана с тем, что в нем много музыкантов. На похороны в соседние села (Мали Ясеновац, Градсково, Шипиково) также обычно приглашают музыкантов из Халова.

Первая поминальная трапеза совершается сразу после похорон. В Шарбановаце, как и в других унгуриянских селах, она обозначается термином *ţeară* (Шливар, Валаконе); в царанских селах — по одним сведениям, она именуется *prânz* «обед» (Шипиково), по другим — вообще не имеет названия. Вторая поминальная трапеза может происходить на следующий день после похорон (Шипиково, Градсково, Мали Ясеновац) и также называется *prânz*, а в селе Халово и в селах влахов-унгуриян — в первую субботу после похорон и может именоваться *sâmbeccele* «субботы» (это название характерно для унгуриянских сел). Следующая и наиболее важная поминальная трапеза происходит через сорок дней или шесть недель после смерти (ее также стараются устроить в субботу)³. Она может обозначаться терминами *pomana la şase stămâni* «поминки на шесть недель» и *patruzecili* «сороковины». Также существует поминальная

¹ Записано от Любицы Чолакович (серб. *Ljubica Čolacović*, рум. *Liubița a lu Niculiță*) 1949 г.р., Шипиково.

² Песня-биография покойника является одним из жанров сольного лаутарского искусства, может исполняться на одну из политекстовых лаутарских эпических мелодий, на которую на проводах в армию лаутар может петь песню-биографию рекрута, на свадьбах и других праздниках — песню о разбойнике Иване Бабейче или каком-либо другом герое гайдуцкого цикла (сведения записаны в с. Шарбановац, Мирослав Чулинович, 1934 г.р.).

³ Наряду с субботой, днями, подходящими для поминок, считаются также вторник и четверг, потому что в эти дни можно есть скромную пищу.

трапеза на полгода со дня смерти (*potana la șase luni / potana la jumătate de an*), на год (*potana la anu*) и далее каждый год до истечения семи лет. По некоторым утверждениям, не обязательно отмечать два, четыре и шесть лет после смерти. Поминальная трапеза на семь лет (*potana de șapte ani*) является последним этапом цикла. В селе Шипиково многие местные жители утверждают, что слово *potană* правомерно употреблять только по отношению к так называемым большим поминкам (*potana mare*), которые могут организовывать на сорок дней, на полгода или на год со дня смерти, а другие поминальные трапезы следует называть *masă* ‘трапеза’⁴. В том случае, если *potana mare* имеет место на сороковой день, то накрывают два стола. На одном из них располагается трапеза, которую называют *potana mare*, на другом — трапеза, называемая *patrușecili* (сороковины, букв. ‘сорок’ + постпозитивный определенный артикль множественного числа).

На поминальную трапезу после похорон могут прийти все, кто был на похоронах. В Шипикове это касается также поминок на следующий день после похорон и на сорок дней. В Мали Ясеноваце на все поминки, кроме первых (сразу после похорон), гостей специально приглашают. В настоящее время встречаются также случаи, когда на следующий день после смерти организуют поминки, включающие ритуалы и атрибуты, характерные для поминок на сороковой день, и называют их сороковинами (*patrușecili*) (сведения из сел Шипиково и Мали Ясеновац). Так поступают из-за того, что многие местные жители живут и работают за границей, и зачастую родственники умершего, приехавшие на похороны, не имеют возможности второй раз приехать на сороковины.

Приходящие на поминки здороваются словами «*Bog dea proste!*» (ср. серб. *Бог да прости!*) либо «*Dumnezeu să-l ierte!*» («Пусть бог его простит»). Поминки по покойнику, умершему без свечи в руке, отличаются от поминок по умершему со свечой в руке. В селах Шипиково, Халово, Градсково, если человек умер без свечи, то вместо круглого хлеба (*pită*) на стол перед каждым гостем ставили хлеб, выпеченный в форме креста (в селах Шипиково и Градсково такой хлеб именуется *lăturghie*, в Халове — *cochie*). На каждую *лэтургию* / *нуму* помещают свечку. Кроме многочисленных круглых или крестообразных хлебов, на столе обязательно присутствуют большие караваи — *capete* (sg. *cap* ‘голова’). В унгарских селах обрядовая выпечка, предназначенная для поминок, отличается большим разнообразием, чем в царанских (подробные сведения о поминальной обрядовой выпечке влахов можно найти в книге этнолога Пауна Дурлича [4]). Перед началом поминальной трапезы зажигают свечи, священник служит заупокойный молебен, затем каждому гостю вручают *лэтургию* / *нуму* со свечой и пакет с покупными сладостями (до этого момента эти калачи и пакеты лежат на столе). По сведениям из села Шипиково, в прошлом вместо пакета со сладостями для каждого гостя изготавливалась *furculiță* (‘вилка’) из ветки плодового дерева с тремя веточками-зубцами, на которые нанизывали кусочки брынзы и сладости. При вручении поминального дара гость должен сказать: «*Bog dea proste*». Когда стол освобождается от части ритуальных хлебов, хозяева ставят на него горячие блюда. Трапезу начинают с колива (*colibă, grâu*) — поминального блюда из вареной пшеницы с сахаром, передаваемого по кругу. Помимо колива, на поминальных трапезах обычно присутствует *суслиаш* (рум. *sucliaș*) — рис, сваренный на молоке или на воде (в период поста)

⁴ По некоторым утверждениям, разница между поминальными трапезами, называемыми *potană* и *masă*, состоит в том, что для первой изготавливают обрядовую выпечку и обязательно приглашают священника (Шипиково).

с сахаром. И коливо, и *суклияш* могут украшать тертыми грецкими орехами, леденцами или мармеладом. Остальные блюда, подаваемые на поминках, совпадают с теми, что подаются на праздничных трапезах — голубцы, фаршированный перец, жареное мясо, пирожные и др. В случае, если поминки приходится на период поста (так, большая часть поминальных трапез, на которых мы присутствовали летом 2022 г. в селах Шипиково, Халово и Мали Ясеновац, пришлось на Петров пост), на столе присутствует жареная рыба (вместо мяса), постные голубцы, фасоль и др. При этом в другие дни почти никто из местных жителей постов не соблюдает (исключение составляют женщины, которые постятся для того, чтобы облегчить посмертное существование родственнику или знакомому, умершему без свечи).

Для сороковин характерен обряд пускания воды (*se sloboade apa* — букв. ‘освобождается / пускается вода’). В прошлом девочка 8–12 лет (родственница умершего) в течение сорока дней носила воду из колодца или источника в дома односельчан. По словам многих информантов, эту воду можно было использовать только для питья и приготовления пищи, но не для стирки, мытья посуды или полов. В настоящее время воду, как правило, «носят» в течение одной недели (со вторника до субботы), причем набирают ее у себя во дворе и выливают на траву или на цветы со словами: *Bog dea proste*. По словам некоторых информантов, таким образом «поют» покойника (Шипиково, информант Войкица Паунович (серб. *Vojkica Paunović*, рум. *Voichița a lu Păun*)). Количество принесенных ведер воды отмечают зарубками на палочке (как правило, из орешника), очищенной от коры (Шипиково) или с помощью зерен кукурузы, которые складывают в стакан (Халово). По сведениям, записанным в селе Халово, девочка должна принести три ведра воды в день. В субботу, перед поминальной трапезой, проводится сам обряд пускания воды. В прошлом он проводился на реке, ручье или роднике, в настоящее время его чаще проводят в том же дворе, что и поминки (так, например, в том же Халове мы видели, как воду из находящегося во дворе крана пускали по специально выложенному на газоне и украшенному цветами стоку длиной в несколько метров. По воде пускают черпак из тыквы-горлянки (*troc*), в который помещены свечи, а также обломки палочки или кукурузные зерна, с помощью которых считали принесенные ведра воды. Помимо девочки, пускающей воду, в обряде участвует свидетель (*mărturie*), который наблюдает за происходящим, держа в руке ритуальный посох (*toiag*). Свидетелем должен быть мальчик, если умерший — мужчина, и девочка, если умерла женщина. Кроме сороковин, обряд пускания воды может проводиться на поминках в полгода и в год после смерти, в некоторых случаях — также на семь лет со дня смерти (поминки на семь лет с пусканием воды мы наблюдали в июне 2022 г. в Шипикове в доме Войкицы Паунович). Диалог между девочкой, носившей воду, и свидетелем в царанских селах (Шипиково, Халово, Мали Ясеновац) включает в себя вопрос девочки к свидетелю, будет ли он (она) свидетелем, и положительный ответ. Вопрос и ответ повторяются трижды. В унгуриянских селах в диалоге содержится также обращение к солнцу и луне, которых также призывают в свидетели. В конце обряда девочка и свидетель трижды обмениваются обрядовыми хлебами (Халово).

Посох (*toiag*) после окончания обряда отдают девочке, носившей и пускавшей воду. Посох представляет собой деревце-трезубец, на зубья которого наизаны фрукты и в некоторых случаях крашеное яйцо (скорлупу яйца предварительно повреждают). Также на него вешают карманное зеркальце, предметы одежды и другие дары (обычно бижутерию, сумочку и т.п.). Этот посох

в течение трапезы находится рядом с девочкой, сидящей за столом. На другом конце стола, обычно около входа, находится еще один ребенок — мальчик (если умерший — мужчина) или девочка (если умершая — женщина), который держит еще один посох-*toiag* для того, чтобы «охранять» поминальную трапезу. По словам некоторых информантов, ее нужно охранять от тех душ, для которых никто не устраивал поминок. На этот второй посох также вешают предметы одежды, соответствующие полу ребенка, в дар которому они предназначены — так, мальчику обычно дарят рубашку или футболку, носки и др.

Своеобразным поминальным обычаем является *oră de pomană*⁵ (поминальная *ора*, поминальный круговой танец), который устраивают в память недавно умерших родственников. В разных населенных пунктах поминальная *ора* может быть приурочена к различным датам. Так, в унгуриянских селах, например в Шарбановаце, она может исполняться на Масленицу (*Săptămână Albă* ‘белая неделя’), и сопровождаться разжиганием костра в центре села или квартала — этот обычай называется *priveghi* или *priveichi*. В селах влахов-царан поминальная *ора* может быть организована во вторник Пасхальной недели (Александровац / Злокуче) или приурочена к храмовому празднику села, называемому *zafet* (Шипикова). По словам некоторых информантов, приурочение поминальной *оры* к храмовому празднику — относительно новая традиция, связанная с тем, что в этот период сельчане, уехавшие на заработки, часто возвращаются в родные села. В Халове для поминальной *оры* обычно выбирают праздник, близкий к дате смерти человека, которого собираются помянуть таким образом. В большинстве сел поминальную *ору* организуют до истечения года со дня смерти, однако, например, в Александроваце (Злокуче) ее устраивают через три года после смерти. По сведениям из Шипикова, в том случае, если умерший — мужчина, вести *ору* должен юноша или мужчина, если женщина — вести должна девушка или женщина (в других селах, в частности в Халове и Александроваце (Злокуче), информанты говорили, что вести *ору* в любом случае должен мужчина или юноша). Согласно устному сообщению историка и фольклориста Славолюба Гацовича, уроженца Халова, в прошлом поминальная *ора* должна была двигаться в обратную сторону, справа налево, однако сейчас она движется как любая другая *ора*.

Этот обычай среди влахов восточной Сербии остается актуальным. Так, уже 26 апреля 2022 г. (во вторник после Пасхи) нам удалось увидеть этот танец в Александроваце, где в этот день одна за другой прошло пять поминальных *ор*, а 12 июня 2022 г. (на Троицу) мы присутствовали на поминальной *оре* в Мали Ясеноваце.

Поминальная *ора* характерна также для влахов, проживающих по соседству, в северо-западной Болгарии. До последних лет жители ряда влашских сел Видинской области собирались в определенный день (также около Пасхи) в местности Алботина (вблизи сел Раброво и Делейна, рядом с разрушенным Алботинским монастырем), где организовывали несколько поминальных хороводов подряд [1]. Кроме того, обряд встречается на территории Румынии — в Банате, Олтении и Мунтении, причем как у румын, так и у живущих в Румынии сербов (в селе Свиница в округе Мехединц) [11; 14]. У сербов, живущих в западной части Сербии, также встречается обычай танцевать *жалостиво коло* или *коло за мртвог* [3. С. 15]. По сведениям, которые записал И. Струтинский после нашей экспедиции в г. Приеполе (юго-западная Сербия), *коло за мртвог* может проводиться

⁵ *Oră (-a)* во влашских говорах означает круговой танец, что соотносится с лит. рум. *horă*, ср. также болг. *хоро*, макед. *оро*.

в день любого праздника, в том числе храмового. Такое коло водят в обратную сторону, справа налево. В книге Любицы и Даницы Янкович, посвященной народным танцам, говорится, что такое коло в прошлом практиковалось не только во владшских, но и в сербских селах восточной Сербии (в частности в Браничевском округе), однако именно в сербских населенных пунктах этот обычай власти целенаправленно искореняли [12. С. 110] (цит. по [7. С. 1273–1274]).

В ряде сел информанты упоминали о так называемых белых поминках — *romana albă*. По словам информантов из Шипикова, эти поминки устраивают на Масленичной неделе (*Stămâna Albă* ‘Белая неделя’) для людей, умерших без свечи в руке, со дня смерти которых прошло менее года. По сведениям из села Николичево, «белые поминки» могут устраивать на Масленичной неделе, а также на Вознесение или на Троицу [5. С. 140]. В селе Милошево (Колограш) нам встретилось утверждение, что *romana albă* — это поминальная трапеза в период строгого поста, где подают только кушанья, сваренные на воде.

Бездетные люди, которые боятся, что их не помянут после смерти, могут устроить поминки по себе еще при жизни. Такие поминки называются *română de viu* ‘поминки по живому’ или *română de viață* ‘поминки при жизни’. На них приглашают музыкантов, люди танцуют *оры* (водят обрядовые хороводы) и поют веселые песни. На такие поминки приглашают и священника (по крайней мере, в селах владхов-царан). Это может быть как священник Сербской православной церкви, так и Румынской. В июне 2022 г. на поминках в Шипикове мы задали вопрос об отношении к прижизненным поминкам настоятелю Градковско-Ясеновацкого прихода Сербской православной церкви о. Михайло Гавричу. Он ответил, что не одобряет эту практику, однако приходит на прижизненные поминки, когда его приглашают, и читает там молитву за здоровье вместо заупокойной.

Перед поминками, как и перед похоронами, на столбах развешивают объявления (рум. *plăcați*, серб. *умрлице*) о предстоящих действиях. *Умрлицу* вешают также на дом покойника. Такие объявления встречаются у сербов, болгар и македонцев, тогда как у румын на территории Румынии их нет.

Во всех обследованных селах удалось зафиксировать представления о *морое* (*moroi*) — неупокоенной душе, которая может приносить вред живым. У владхов существует представления о «живых» и «мертвых» *мороях*. Душа умирающего, но еще не умершего человека в большинстве обследованных сел обозначается термином *moroi de viu*; в Халове для этого персонажа употребляется термин *priculici*. Считается, что эти существа «съедают» (*moroi de viu, priculici*) или «забирают на тот свет» (*moroi*) скот из своего или из соседних домов. Для того, чтобы человек, который слишком долго не может умереть, отправился на тот свет, ему могли делать надрез бритвой на шее сзади (Шипиково, Халово). *Мороем* после смерти, по отдельным сведениям, может стать человек, умерший без свечи (Халово). Считается, что душа умершего в течение сорока дней находится на земле, возвращается в дом или блуждает по тем местам, где человек бывал при жизни. Нам удалось зафиксировать рассказы о том, что умерший человек до истечения сорока дней со дня смерти «забирал» с собой домашних животных, за которыми ухаживал при жизни. Однако не все информанты употребляли по отношению к таким покойникам слово *морой*. Респондентка из села Градсково рассказала, что в течение месяца после смерти ее свекрови в доме умерла овца. Для того чтобы свекровь больше не возвращалась и дом и не забирала домашних животных с собой на тот свет, респондентка ночью трижды обошла дом обнаженной, окуривая его зажженной одеждой покойницы. Второй раз респондентке пришлось окуривать дом таким же образом,

когда после смерти ее матери в доме умер поросенок, которого откармливали к Рождеству. В Шипикове считается, что лучше окуривать дом не ночью, а вечером, до наступления темноты, чтобы случайно не окурить дом, когда *морой* находится внутри (считается, что прийти в дом он может только ночью) и не запереть его там таким образом. В Шипикове, в отличие от Градскова, для окуривания не обязательно было обнажаться. Считается, что *мороя* могут видеть люди, которые родились в субботу, вторник и четверг (в те дни, когда принято делать поминки), а также домашние животные.

С поминовением усопших у влахов связан ряд календарных праздников. Одним из основных таких праздников является Великий четверг (*Joi Mari*), когда разжигают костры «для умерших» на кладбищах и во дворах. В ряде унгуриянских сел, как уже говорилось, костры для умерших жгут на Масленичной неделе. Поминать умерших дома принято в периоды, называемые *Moşii de piftii* (букв. ‘Старики (предки) холодца’) – в январе и *Moşii de fragi* (букв. ‘Старики (предки) земляники’) – в июне (Шипиково). Поминовению усопших посвящен и один из дней «праздника дома» (рум. диал. *praznicu căşii*, ср. серб. *крсна слава*). «Праздник дома» могут отмечать до четырех дней; день, посвященный поминовению умерших, называется *ziua morţilor* (Шипиково, Милошево). На кладбище вlahи долины Тимока могут ходить на все большие религиозные праздники, кроме Рождества и Пасхи.

В июне 2022 г. нам удалось также побывать в Брачеваце – сербском селе, находящемся в окружении влашских сел (в этом населенном пункте живут потомки переселенцев из Косова). Респонденты-сербы отмечают, что вlahи более пышно справляют поминки, при этом многие обряды у сербов долины Тимока и влахов совпадают. Сербы устраивают поминки в первую субботу после погребения, на сорок дней, на полгода и на год. Обряд пускания воды у сербов проводится на сороковой день после смерти.

Среди изложенных в данной статье сведений преобладают записанные в селах влахов-царан. Это объясняется тем фактом, что в царанских селах, таких как Шипиково, Мали Ясеновац, Халово, Александровац, нам в течение этого полевого сезона приходилось бывать на похоронах, поминках и поминальных *орах*, тогда как работа в унгуриянских селах проходила лишь в режиме интервью. Одним из значимых отличий погребально-поминальной обрядности влахов-унгуриян от соответствующей обрядности влахов-царан, по словам информантов, является необязательность присутствия священника на поминках и даже на похоронах.

В целом погребальная и поминальная обрядность влахов Тимока характеризуется хорошей сохранностью и богатством локальных вариаций. Значительная часть респондентов признает важность совершаемых на похоронах и поминах ритуальных действий для посмертного существования покойника. В то же время некоторые респонденты говорят, что поманы не влияют на загробное существование покойника, а являются одной из форм общения живых людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бизеранова С. Между живота и смъртта. Погребални и поменални обичаи при българи и власи във Видинско. Враца: Алекспринт, 2013. 544 с.
2. Голант Н.Г., Рыжова М.М. Влашские говоры и языковая ситуация в маргинальном дакорумынском ареале восточной Сербии // М.Ю. Мартынова, М.А. Андриянина, Ю.В. Бучатская и др. Язык как ресурс идентичности в Европе: антропологическое исследование / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 321–354.

3. Големовић Д. Народно певање као најважнији фактор развоја музике // Научни и уметнички симпозијум «Музика између теорије и праксе». 30–31 октобар 2015. Нови Сад: Академија уметности, 2015. С. 10–34.
4. Дурлић П. Ес. Свети језик влашког хлеба: сликовница са речником у четрдесет слика. Београд: Балканкулт, 2010. 55 с.
5. Кржановић Д. Николичево: Хроника села. Зајечар: Центар за културу и туризам «Цекит», 2014. 168 с.
6. Плотнокова А.А. Материјали за етнолингвистическог изучења балканославјанског ареала. М.: Институт славјановедeния РАН, 2009. 160 с.
7. Ракочевић С. Игра за бог да прост': интернетички, генеалошки и семантички аспекти наменјивања плеса покојнику у селу Свиница // Етноантрополошки проблеми. 2017. Год. 12. № 4. С. 1259–1287.
8. Романски С. Разпространението на власите међу Тимок и Морава и на цинцарите в Македонија // Научна експедиција в Македонија и Поморавието / съст. Петър Хр. Петров. URL: http://macedonia.kroraia.com/bg_1916/bg_1916_2_12.htm?fbclid=IwAR0PHhQFUs6vAk8vQhFfb_vrjpwNBhjv8xQNQYohbH2RY-00sNF-YuwDZMA#g1 (дата обращения: 15.07.2022).
9. Становништво према националној припадности. Београд: Републички завод за статистику Србије, 2011. [Електронни ресурс]. URL: <https://www.stat.gov.rs/sr-Latn/oblasti/popis/popis-2011/popisni-podaci-eksel-tabele> (дата обращения: 15.07.2022).
10. Gacović S. Petrecătura (pesma za ispraćaj pokojnika) u Vlaha Ungurjana. Zaječar: Matična biblioteka «Svetozar Marković», 2000. 212 с.
11. Green N., Mellish L. Writing ethnography from local to regional and backward (revisiting): Practices commemorating the dead through dancing in Romanian Banat villages // Dance, Narratives, Heritage. Dance and Narratives. Dance as Intangible and Tangible Cultural Heritage. 28th Symposium of the ICTM Study Group on Ethnochoreology, 7–17 July 2014, Korčula, Croatia / ed. E. Ivancich Dunin. Zagreb: ICTM Study Group on Ethnochoreology, Institute of Ethnology and Folklore Research, 2015. P. 9–14.
12. Janković L., Janković D. Narodne igre. Knj. 7. Beograd: Prosveta, 1952. 205 p.
13. Huțanu M., Sorescu-Marinković A. 2015. Graiul vlah în școlile din Serbia răsăriteană: provocări și perspective // Philologica Jassyensia, Iași, ed. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 201–211.
14. Petac S. Forme și semnificații ale unui ritual coreografic post-funerar din Valea Dunării: Hora de pomană // Anuarul Muzeului Etnografic al Transilvaniei, Cluj, ed. 2012. P. 99–110.
15. Sikimić B. 2005. Etnolingvistički pristup vlaškoj duhovnoj kulturi – običaj «kumačenje» // Actele simpozionului «Banatul, trebut istoric și cultural». Timișoara; Novi Sad; Reșița, ed. 2005. P. 148–158.

REFERENCES

- Bizeranova S. *Mezhdū zhivota i smŕtta. Pogrebalni i pominalni obichai pri bŭlgari i vlasi vŭv Vidinsko*. Vratsa, Alexprint Publ., 2013, 544 p. (In Bulg.)
- Durlić P. Es. *Sveti jezik vlašog хлеба: slikovnica sa rečnikom u četrdeset slika*. Beograd, Balkankult Publ., 2010, 55 p. (In Serb.)
- Gacović S. *Petrecătura (pesma za ispraćaj pokojnika) u Vlahu Ungurjana*. Zaječar, Matična biblioteka «Svetozar Marković» Publ., 2000, 212 p. (In Serb.)
- Golemović D. Narodno pevanje kao najvažnij factor razvoja muzike. *Naučni i umetnički simpozijum «Muzika između teorije i prakse»*. 30–31 oktobar 2015. Novi Sad, Akademija umetnosti Publ., 2015, pp. 10–34 (In Serb.)
- Golant N.G., Ryzhova M.M. Vlashskie govory i iazykovaia situatsiia v marginal'nom dakorumynskom areale vostochnoi Serbii // M. Iu. Martynova, M.A. Andriunina, Iu.V. Buchatskaya et a., *Iazyk kak resurs identichnosti v Ebrope: antropologicheskoe isslevovanie*, otv. red. M. Iu. Martynova. Moscow, IEA RAS Publ., 2022, pp. 321–354. (In Russ.)
- Green N., Mellish L. Writing ethnography from local to regional and backward (revisiting): Practices commemorating the dead through dancing in Romanian Banat villages. *Dance, Narratives, Heritage. Dance and Narratives. Dance as Intangible and Tangible Cultural Heritage. 28th Symposium of the ICTM Study Group on Ethnochoreology, 7–17 July 2014, Korčula, Croatia*, ed. E. Ivancich Dunin. Zagreb, ICTM Study Group on Ethnochoreology, Institute of Ethnology and Folklore Research Publ., 2015, pp. 9–14.
- Huțanu M., Sorescu-Marinković A. Graiul vlah în școlile din Serbia răsăriteană: provocări și perspective. *Philologica Jassyensia*, vol. 11, no. 2, pp. 201–211. (In Rom.)

- Janković L., Janković D. *Narodne igre*. Beograd, Prosveta Publ., 1952, vol. 7, 205 p. (In Serb.)
- Kržanović D. *Nikoličevo: Hronika sela*. Zaječar: Centar za kulturu i turizam «Cekit» Publ., 2014, 168 p. (In Serb.)
- Petac S. Forme și semnificații ale unui ritual coreografic post-funerar din Valea Dunării: Hora de pomană. *Anuarul Muzeului Etnografic al Transilvaniei*. Cluj, ed. 2012, pp. 99–110. (In Rom.)
- Plotnikova A.A. *Materialy dlia etnolingvističeskogo izučeniia balkanoslavianskogo areala*. Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS Publ., 2009, 160 p. (In Russ.)
- Rakočević S. Igra za bog da prost': interetnički, genealoški i semantički aspekt namenjivanja plesa pokojniku u selu Svinica. *Etnoantropološki problemi*, 2017, an. 12, no. 4, pp. 1259–1287. (In Serb.)
- Romanski S. Razprostranieneto na vlasite mezhdu Timok i Morava i na tsintsarite v Makedonia. *Nauch-na ekspeditsia v Makedonia i Pomoravieto*, sost. Petar Hr. Petrov. URL: http://macedonia.kroraina.com/bg_1916/bg_1916_2_12.htm?fbclid=IwAR0PHhQFUs6vAk8vQhFfb_vpjbwNBhjv8xQNQYohb-H2RY-0OsNF-YuwDZMA#g1 (accessed 15.07.2022). (In Bulg.)
- Sikimić B. Etnolingvistički pristup vlaškoj duhovnoj kulturi – običaj «kumačenje». *Actele simpozionului «Banatul, trebut istoric și cultural»*. Timișoara; Novi Sad; Reșița, ed. 2005, pp. 148–158. (In Serb.)
- Stanovništvo prema nacionalnoj pripadnosti. Beograd: Republički zavod za statistiku Srbije, 2011. URL: <https://www.stat.gov.rs/sr-Latn/oblasti/popis/popis-2011/popisni-podaci-eksel-tabele> (accessed 15.07.2022). (In Serb.)

Информация об авторах:

Голант Наталия Геннадьевна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-0906-9560
E-mail: natalita1977@yandex.ru

Струтинский Иван Михайлович
аспирант, Российский институт
истории искусств,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
младший научный сотрудник Института
славяноведения
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-7982-1017
E-mail: sevdbrif@gmail.com

Information about the author:

Golant Natalia G.,
PhD (History) Senior Researcher,
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-0906-9560
E-mail: natalita1977@yandex.ru

Strutynsky Ivan M., PhD student,
Russian Institute of Art History,
St. Petersburg, Russian Federation
Junior Researcher, Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-7982-1017
E-mail: sevdbrif@gmail.com